

Александр Дюма.

Путешествие лентяя

Помимо всемирно известных романов Александру Дюма принадлежит серия любопытных путевых очерков, немалая часть которых написана о загадочной России. В 1858 году Дюма отправился в страну снегов в компании графа Безбородко, пригласившего писателя на свадьбу к своей петербургской родственнице. Еще пакуя чемоданы в Париже, он обещал читателям поведать о «Ее Величестве Волге, царице рек Европы». В то время в моду вошли речные круизы, и, выполняя обещание, Дюма решил путешествовать по глубинке с комфортом. Находя волжские пейзажи достаточно однообразными, француз щедро украсил описание поездки авантюриными эпизодами. Поднявшись на борт в Калезине, он ухитрился захватить с собой провожавший его полковой оркестр, а угличские монахи будто бы приняли писателя за «посла Англии», оказывая ему всяческие почести.

Тем не менее Дюма недаром относил себя к «путешественникам-лентяям». В своих заметках он нередко опирался на чужие свидетельства. Именно так все произошло и в Ярославле. К немалой досаде наших земляков, на чудную ярославскую набережную нога великого Александра Дюма так и не ступила, и винить в этом стоит, конечно, женщину. Пароход останавливался в нашем городе совсем ненадолго, Дюма уже мечтал вырваться из плена каюты на берег, но в этот момент на борт поднялись две изысканно одетые дамы, и намеченная прогулка, само собой, отменилась. Прекрасными пассажирками оказались кня-

Волжская набережная.

АЛЕКСАНДР ДЮМА И ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ О ЯРОСЛАВЛЕ

Город истинных страстей

Принимая миллионы гостей, древний Ярославль нередко вызывает восхищение современных трэвел-блогеров и занимает лидирующие позиции во всевозможных туристических рейтингах России. Впрочем, первые отзывы туристов о нашем городе появились задолго до Всемирной паутины и даже до возникновения в русском обиходе самого понятия «туризм».

гиня Анна Долгорукая и ее компаньонка. Княгиня — «женщина 30 лет, очень образованная» — обещала предоставить французам исчерпывающие сведения о Ярославле.

Древний Ярославль в ее описании предстал перед Александром Дюма в самом выгодном и даже интригующем ракурсе. Первым делом княгиня сообщила, что «Ярославль славится красивыми женщинами и исключительными страстями: за два года пять молодых людей там сошли с ума от любви». Казалось, одной этой новости было достаточно, чтобы вдохновить писателя задержаться в нашем городе подольше. Между тем Анна Долгорукая, словно заправский тур-менеджер, продолжала рассказывать писателю о достоинствах Ярославля. С ее слов Дюма-отец заключил, что именно здесь находится лучшая в России гостиница — единственная (не считая столичных отелей), где можно встретить настоящую постель.

Внимания Дюма удостоился и владелец элитной гостиницы — месье Pastroukoff, которого писатель назвал «дважды или трижды миллионером».

Ярославцам нетрудно догадаться, о ком идет речь. Купец I гильдии Александр Матвеевич Пастухов (а не Паструков, как ошибочно расслышал Дюма) был одним из самых богатых ярославских предпринимателей.

Простительные ошибки

Однако ради красного словца Дюма несколько преувеличил размеры пастуховского капитала — по подсчетам историков, он составлял всего 1 миллион 750 тысяч рублей. Объясняя происхождение столь баснословного состояния, Дюма верно замечает, что Пастухов «разбогател не кроватями отеля, а благодаря широкой торговле железом, в зависимость от которой попала вся Россия».

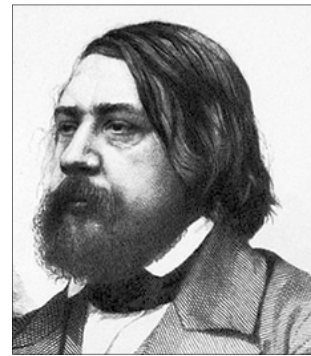
Эмоциональный рассказ случайной попутчицы Александра Дюма способствовал тому, что в общей канве «Впечатлений о России» Ярославль представит неким подобием «Сказок 1000 и одной ночи» — с волнующими красавицами, любовными страстями и богачами, скопившими несметные сокровища. Однако, следуя возложенной на себя миссии, Дюма

не забывал просвещать читателя любопытными фактами из русской истории. Говоря о Ярославле, он замечает, что сюда был определен на жительство «герцог Бирон, помилованный Павлом I». Бывший фаворит императрицы Анны Иоанновны действительно был сослан в Ярославль и лишь через 20 лет получил разрешение вернуться в столицу. Однако Павел I воцарился на престоле намного позднее и не имел к помилованию Бирона никакого отношения. Вероятно, француз перепутал его с Петром III. Неточность вполне прощительна: в эпоху дворцовых переворотов цари на русском троне менялись так часто, что даже автору авантюристов романов разобраться было не под силу.

Достаточно странным выглядит и смелое утверждение Дюма, будто бы в Ярославле располагалось сразу 7 российских лицеев. Конечно, Демидовский лицей в то время был известен по всей стране, однако 7 вузов наш город обзавелся лишь к концу XX столетия. Сочтем ошибку классика за комплимент — пусть и слегка преувеличенный. Согласитесь, получить комплимент от самого Александра Дюма чертовски приятно.

Ах, эти ножки...

Спустя три года в нашем городе оказался и Теофиль Готье — французский журналист, известный поэт-романтик.

Теофиль Готье.

В отличие от своего прославленного предшественника Готье не отказал себе в удовольствии осмотреть город, подробно описав впечатления в книге «Путешествие по России». Уже у пристани удивление француза вызвало привычное для наших земляков средство передвижения — «допотопная карета, запряженная целым табуном маленьких лошадей». «В России это называется тарантас, — объяснял Готье европейскому читателю. — Каретный ящик поставлен на два длинных бруса, которые соединяют переднюю и заднюю оси колес. Эти брусья подвижны и заменяют рессоры. У такого устройства есть преимущество: в случае поломки тарантас легко чинится и смягчает тряску самой дурной дороги. Похожий на древние носилки ящик снабжен кожаными занавесками. Пассажиры рассаживаются в нем вдоль стенок, как в наших омнибусах».

Не рискуя испытать удобства тарантаса на себе, Готье сошел по сходням на берег и направился в город пешком. «Усаженная деревьями Волжская набережная» показалась ему отличным местом для прогулок. Описывая городские достопримечательности, Готье замечает, что «на Ярославле лежит печать старых русских городов, где побелка скрывает следы ветхости». Любуясь фресками ярославских церквей, он удивляется странной привыч-

ке русских регулярно подновлять рисунок росписей по мере их выцветания, пренебрегая эффектом благородной старины.

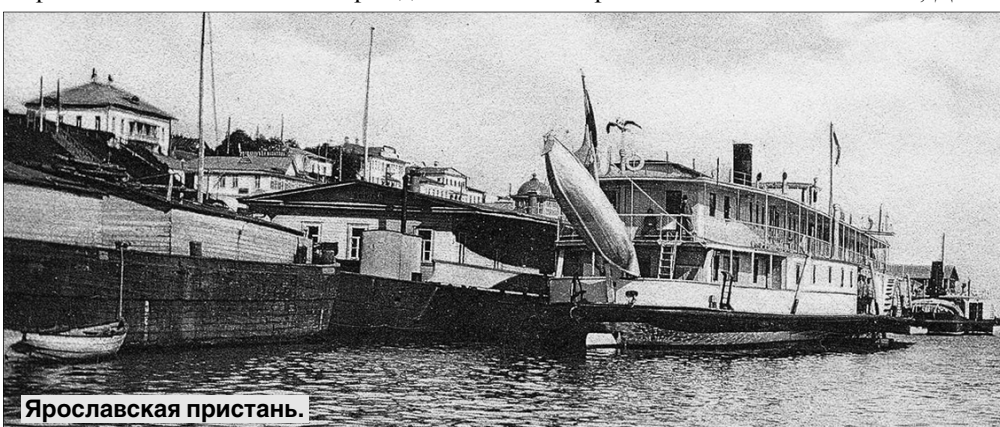
Немало страниц в заметках Готье посвящено облику русских женщин. На пристани он залюбовался стройными ножками крестьянок, приносивших к пароходу дрова. «Отсутствие чулок и обуви позволяло видеть тонкие изящные ноги: некоторые из этих босых ног могли бы обуться в беличью туфель-

ку Золушки», — восхищался француз.

Вглядываясь в здоровый румянец на щеках девушек, Готье сокрушался, что «лица некоторых из них были испещрены оспой, так как вакцина не распространена в России, отсюда ее, без сомнения, изгоняет какой-нибудь народный предрассудок». Как заметил писатель, крестьянки выполняли работу весело и без признаков усталости, хотя сам Готье, вспоминая о французской галантности, был «несколько смущен, видя женщин, носивших тяжести и выполнявших работу вьючного скота».

Прогулка знаменитого туриста подходила к концу, когда самозабвенному созерцанию пейзажа помешало неожиданное проявление ярославского гостеприимства. На набережной к Готье подошел молодой человек и на правильном французском языке предложил поехать показать достопримечательности города. «Мятая, но чистая одежда выдавала нищенское положение человека из хорошей семьи, которому воспитание запрещало ручной труд, — писал Готье — Его бледное, худое и грустное лицо дышало умом...» Несмотря на невольную симпатию, что внушал юный гид, француз вынужден был отказаться от экскурсии — его пароход отправлялся через 15 минут. Бедняга удалился, покорно вздохнув, а Готье, бросая прощальный взгляд на ярославский берег, укорял себя за глупую стеснительность, помешавшую ему вложить в руку юноши серебряный рубль. «У него был настолько приличный вид, что я побоялся нанести ему оскорбление», — оправдывался писатель.

Мария
АЛЕКСАНДРОВА
Фото с сайта yarcenter.ru

Ярославская пристань.